

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. С. Кан

ШВЕДСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В 70-Х ГОДАХ

(родоведение)

Шведские этнографы до недавнего времени занимались по преимуществу отечественной тематикой, причем родоведение здесь почти всегда совпадало — как мы увидим, сегодня это уже не так — с изучением традиционной крестьянской культуры. «Крестьянская культура и есть нормальная шведская культура», — писали в 1934 и в 1971 гг. корифеи шведской науки Е. Берг и С. Свенссон¹. Считалось, что и само городское шведское общество прошлого в значительной мере переняло обычаи сельской жизни. «Даже в нашем современном индустриализованном обществе наследие сельского общества, его образ жизни, его пищевые привычки, праздничные обычаи и социальные ценности все еще образуют важный элемент в определении нашего образа жизни. Поэтому мы живем не только в настоящем, но и в прошедшем»². Забегая вперед, приведем такие цифры: из 14 докторских диссертаций по этнографии, защищенных в Стокгольмском университете за 1935—1974 гг., только 4 посвящены не крестьянской тематике, да и защищены они не раньше 1949 г.³

Богатые традиции и высокий уровень шведских родоведческих исследований хорошо известны и в нашей стране. Советские историографы — С. А. Токарев, М. Н. Морозова и др. — заслуженно отводили почетное место среди этнографов-европеистов покойному Сигурду Эриксону, создателю шведской национальной школы изучения традиционной, т. е. крестьянской народной жизни. Историографические сборники Института этнографии АН СССР (несмотря на естественные пробелы) позволяют составить общее представление о столетнем развитии шведской этнографии и ее состоянии на исходе 60-х годов нашего века⁴. Этим облегчены и задачи настоящего обзора, основанного на поступивших в наши библиотеки книгах и журналах последних 10—15 лет.

Исследование и преподавание этнографии — как родоведческой, изучающей шведскую материальную и духовную культуру, фольклор, так и всеобъемлющей, изучающей — сосредоточены на кафедрах этнологии, по-разному именуемых, с разным кругом интересов и различным штатным расписанием. Такие кафедры существуют ныне во всех пяти шведских университетах и обычно включают одного профессора, двух-трех доцентов и сотрудников-исследователей. Старейшая кафедра — стокгольмская (Институт европейской этнографии), тесно связанная с известным Северным музеем, который вместе с музеем деревянного зодчества Скансеном восхищал не одно поколение русских туристов⁵. Кафедру возглавляет Матс Реенберг (1915 г. рожд.), в свое время издавший несколько выпусков серии «Жизнь и труд шведов» — мемуаров шведских рабочих и ремесленников разной специальности. Его диссертация об обычаях установки намогильных светильников (1965 г.) считается классическим исследованием процесса диффузии культурных новаций⁶. Младшей по возрасту, но не по значению является лундская кафедра, имеющая наряду с собственно этнографическим также фольклорное направление. Профессор здесь одновременно возглавляет и старейший в стране Архив народного быта, располагающий 250 тыс. страниц письменных источников (полевые дневники, интервью, анкеты), тремя фондами рисунков, планов, фотографий (свыше 125 тыс. единиц), специализированной библиотекой на 37 тыс. томов. Руководит архивом и кафедрой Н.-А. Брингёус (1926 г. рожд.), один из наиболее

¹ Berg G., Svensson S. Svensk bondekultur. Stockholm, 1934, s. 7; 3 uppl. — 1971, s. 7 (3-е изд.).

² Ethnologia scandinavica, 1972, p. 165.

³ Folkklivsforskning vid Stockholms universitet. Stockholm, 1976, s. 111—113.

⁴ Морозова М. Н., Павленко А. П. Основные этапы развития скандинавской этнологии. М.: Наука, 1976, с. 177—192; Березина Т. А., Морозова М. Н. Сигурд Эриксон и шведская этнологическая школа. — В кн.: Этнография за рубежом. Историографические очерки. М.: Наука, 1979, с. 168—181.

⁵ См., например, очерк народнического писателя Евг. Маркова «По Швеции» в «Вестнике Европы» (1900, № 3, с. 243—253); Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М., 1968.

⁶ Rehnberg M. Ljuset på gravarna och andra ljusseder. Nya traditioner under 1900-talet. Stockholm, 1965.

активных шведских этнографов нашего времени, ученик и поныне здравствующего «патриарха» шведской этнографии Сигфрида Свенссона. Брингеус — автор двух больших монографий: одной — о развитии подсечно-огневого земледелия в Швеции и другой — историографической — о первом шведском этнографе Хюльтён-Каваллиусе⁷. Н.-А. Брингеус часто выступает с проблемно-программными статьями на страницах журнала «*Ethnologia Scandinavica*», который сам же и редактирует. Кроме того, он президент Международного общества этнологии и фольклора Европы. Среди его учеников — видные этнографы, такие, как А. Буквист и К. Енруп.

Фольклорное направление преобладает на кафедре в Упсальском университете, руководителем которой одновременно возглавляет Архив (фактически институт) диалектологии и фольклора. Это Анна Биргитта Руут (1919 г. рожд.), известный авторитет в области индейского фольклора США и Канады, что говорит о размахе интересов и самой кафедры. Сравнительно поздно, в 60-х годах, началось преподавание этнографии в Гетеборгском и еще позже естественно в самом молодом шведском университете Умео, призванном стать центром изучения саамов, а также диалектов и фольклора шведского Севера.

В отличие от названных университетских кафедр Королевская (т. е. государственная) академия Густава Адольфа, основанная в трехсотлетнюю годовщину гибели знаменитого шведского короля-полководца, имеет преимущественно издательские функции. Именно она издает на английском языке журнал «*Ethnologia Scandinavica*» — родиноведческий и общескандинавский, шведский этнографический атлас, серию письменных источников по шведской этнографии, журнал «*Argv*» — по скандинавскому фольклору, ежегодник «*Saga och sed*». Ежегодники издаются также соответственно: «*Ethnos*» — по зарубежной этнографии — Этнографическим музеем⁸; «*Fataburen*» — по истории шведской культуры и музейному делу — Северным музеем; «*Rig*» — также по истории шведской культуры — Обществом по истории шведской культуры. Культурно-антропологические материалы неизменно публикуются и в органе Шведского общества антропологии и географии «*Ymer*», старейшем среди ныне существующих шведских журналов интересующего нас направления.

Не претендуя сколько-нибудь на полноту, опуская, в частности, десятки краеведческих обществ с их ежегодниками, упомянем еще новый — «Молодежный» бюллетень 70-х годов «*Nord-nytt*» — орган Северной этнологической и фольклорной группы НЭФА (не смешивать с Общесеве́рным институтом фольклора), издающийся офсетом, в Дании; Шведский архив народной песни и музыки и, наконец, Дом эмигранта в Вёкше (в юго-восточной провинции Смоланд — на «родине» шведской этнографии), призванный изучать проблемы шведской эмиграции в Северной Америке и других местах. Проводимые раз в 3 года общесеве́рные конгрессы этнологов столь популярны, что собирают сотни участников. Их дополняют более узкие специализированные встречи и симпозиумы, например, по проблемам этнографических архивов или обучения этнографов. Швеция не случайно является, как хорошо знает читатель, излюбленным местом проведения международных научных мероприятий: здесь состоялись Первый международный конгресс по экономической истории (1960 г.), Первая конференция по европейской этнографии (1965 г.), Первый международный конгресс по изучению пищи (1970 г.), очередная (четвертая) конференция по этнологической картографии (1975 г.) и пр.

Показателем зрелости шведской этнографии служит и серия преимущественно родиноведческих учебных пособий по следующим отдельным темам. Прежде всего два вводных курса — С. Свенссона по традиционному родиноведению⁹ и универсальный и значительно более современный курс Н.-А. Брингеуса (уже два издания — 1976 и 1981 гг.), где особый раздел среди «теорий и методов» впервые отведен историческому материализму¹⁰. Другие ведущие шведские ученые выпустили в той же серии пособия для изучения трудовых процессов и орудий труда, по пище и интерьеру, по народному творчеству и верованиям, по народному искусству и последнее, но не менее важное, — первый в своем роде курс шведской исторической социальной типологии двух этнографов среднего поколения — Х. Хельспонга и У. Лёфгрена¹¹.

Обратимся теперь к журналу «*Ethnologia Scandinavica*» (основанному в 1971 г. на смену шведскоязычному дитищу покойного Эриксона «*Folk-Liv*») и с помощью его и других журналов, в частности международного журнала «*Ethnologia Europaea*», назовем наиболее значительные этнографические проблемы и вышедшие за последние годы книги.

Прежде всего внимание привлекают чисто исторические труды по крестьянской тематике. В конце 60-х годов вышла в свет книга-диссертация У. Исаксона (из Умео) об общинной организации приморских деревень шведского Севера — провинций Норботтена и Вестерботнии¹². Области эти привлекательны для историка общины тем, что

⁷ *Bringéus N.-A. Brännodling. En historisk-etnologisk undersökning. Lund, 1963; idem. Gunnar Olof Hyltén-Cavallius som etnolog. Stockholm, 1966.*

⁸ *Ср. Анохин Г. А. Шведский этнографический музей (к 90-летию существования).* — Сов. этнография, 1970, № 5, с. 150—151.

⁹ *Svensson S. Introduktion till folklivsforskningen. Stockholm, 1966.*

¹⁰ *Bringéus N.-A. Människan som kulturvarelse. En introduktion till etnologin. Lund, 1976.*

¹¹ *Heelspong M., Löfgren O. Land och stad. Svenska samhällstyper och livsformer från medeltid till nutid. Lund, 1972.*

¹² *Isaksson O. Bystämna och bystädga. Organisationsformer i övre Norrlands kustbyar. Umeå, 1967.*

здесь отсутствовало дворянско-помещичье землевладение и вместе с тем сравнительно поздно удержалась общинная организация. В основу исследования положены уставы отдельных общин, во множестве сохранившиеся от XVII—XVIII вв. и, кстати, служащие предметом целой документальной этнологической серии «Ethnologiska källskrifter», начатой еще С. Эриксоном. В центре внимания Исаксона — деятельность сельского схода с участием зажиточных крестьян, принятие этим органом общинного устава и контроль за его выполнением. В самих уставах, принимавшихся на местах под давлением властей и по их «типовым проектам», исследователь находит взаимодействие местных традиций и влияний, шедших из центра.

Своим 30-летним исследованиям подвел итог сотрудник Северного музея Р. Ирлов, знакомый нам по своему выступлению на Московском конгрессе этнографов в 1964 г. Он изучал историю доиндустриального шведского деревянного плуга с лемехом и отвалом из железа (рало было ранее уже изучено С. Эриксоном). Ирлов сосредоточил свое внимание не на происхождении, а на распространении разновидностей шведского плуга, однако не учел социально-экономические и экологические факторы. Как заметил рецензент, исследователь интересовал скорее музейный экспонат, нежели полевое орудие¹³. Другой, более молодой сотрудник Северного музея, Матиаш Сабо, сам внук венгерского пастуха, сосредоточил внимание на практике скандинавского скотоводства, изучая его в сравнении с центрально-европейским¹⁴. Широко задуманное исследование включает как разбор этнографических предпосылок скотоводства, так и описание культуры пастбищ и организации пастбы скота примерно с конца XVIII в. Сабо интересовало соотношение самобытных, местных и заимствованных извне приемов и порядков. Рецензент считает лучшей частью диссертации последнюю, о пастбе, раскрывшую крайнее разнообразие форм этого занятия. Пастбу у горожан и помещиков Сабо, впрочем, не рассматривал.

Тема старокрестьянского труда по-прежнему, таким образом, живо интересует шведских этнографов. Основательное исследование о труде крестьян-отходников центрально-шведской малоземельной провинции Даларна выступил Русандер¹⁵. Сезонное отходничество, получившее в народе название «господского труда» (herrarbete) продолжалось веками: Русандер изучал его с XVI до начала XX в. на сравнительном общеевропейском (в том числе русском) фоне. Другим распространенным в Швеции устойчивым крестьянским промыслом сорок лет занимался А. Сандклеф, выпустивший монографию почти в тысячу страниц о крестьянском морском судоходстве западной Швеции в XVI—XIX вв.¹⁶. Материал почерпнут из архивов и музеев Швеции и Дании, приложен регистр судов и судовладельцев, включающий 7500 единиц. Крестьянское, мореплавание показано как составная часть национального экономического развития и вместе с тем как фактор социальной дифференциации крестьян — сочетание земледельческого труда с морскими поездками обеспечивало повышенный статус.

Широкое признание получил итоговый труд ныне покойной Анны-Маи Нюлен о шведском домашнем кустарном промысле — знаменитом «hemslöjd», или «слёйде», по обозначению его дореволюционных русских поклонников¹⁷. В основу исследования, доведенного до порога индустриализации — 1850 г., положена уникальная коллекция все того же Северного музея. Нюлен, в частности, убедительно показала усвоение обычаев и всего уклада сельского кустарничества шведскими горожанами в условиях крайне запоздалой урбанизации страны.

К интересным общим выводам пришел на узком, казалось бы, материале К. Енруп, изучивший разведение гусей в южной Швеции — провинции Сконе¹⁸. Он охватил без малого четыре века — с XVI по начало XX в. Главным источником исследования послужили, с одной стороны, розданные в свое время старожилам вопросы, а с другой — завещательные акты, во множестве сохранившиеся от более далеких времен. Разведение гусей на продажу издавна было важным подспорьем для сконцев. В этой отрасли, как показал Енруп, сложились разные системы разведения труда — целых шесть (между контрагентами по-разному распределялись все операции от покупки яиц, через пастбу и откорм вплоть до продажи живой или забитой птицы).

В духе современной западноевропейской этнографии шведские историки и этнографы занимались положением наиболее обездоленных социальных слоев позднефеодального и раннекапиталистического общества. Таковы исследования и очерки 70-х годов о нищих и сиротах Стокгольма XVII—XVIII вв., о телесных и прочих наказаниях в шведской народной школе прошлого века, о детском труде и детях рабочих того же времени, о жизни детей прошлого в целом¹⁹.

¹³ Jirlow R. Die Geschichte des schwedischen Pfluges. Stockholm, 1970. Рец.—Ethnologia scandinavica, 1973, p. 194—199.

¹⁴ Szabó M. Herdar och husdjur. En etnologisk studie över Skandinavien och Mellanuropas beteskultur och vallningsorganisation. Lund, 1970. Рец.—Ethnologia scandinavica, 1972, p. 154—157.

¹⁵ Rosander G. Herrarbete. Dalfolkets säsongvisa arbetsvandringar i jämförande belysning. Uppsala, 1967.

¹⁶ Sandklef A. Allmogesjöfart på Sveriges västkyst 1575—1850. Lund, 1973.

¹⁷ Nylén A.-M. Den svenska hemslöjden fram till 1800-talets slut. 2 uppl. Lund, 1968; Л. В Швеции. — Русская мысль, 1897, № 10, с. 132—134.

¹⁸ Genrup K. Gåsskötsel. En etnologisk studie med särskild hänsyn till skånska förhållanden. Lund, 1975.

¹⁹ Ср., в частности, Bjurman E. L., Olsson L. Barnarbete och arbetarbarn. Stockholm, 1979.

Другая группа работ посвящена не традиционному укладу, а его перестройке, адаптации к новым макроэкономическим условиям. Историки и особенно историкогеографы (по шведской терминологии «культурные географы») обогнали этнографов на этом поприще, и теперь последние как бы наверстывают упущенное. Пример подали такие ведущие ученые, как Брингеус и особенно престарелый С. Свенссон, выступившие каждый со своим очерком о переменах в жизни шведской, точнее, южно-шведской деревни под влиянием межвековых реформ и прочих нововведений, принесенных XIX веком²⁰. Опубликованные диссертации прослеживают процесс трансформации жизненного уклада до середины XX в., а то и до наших дней. Высоко оцененным рецензентами примером может служить диссертация одного из ведущих современных этнографов О. Лёфгрена (1943 г. р.) о судьбе западно-шведского рыбацкого поселка в индустриальной среде XIX—XX вв.²¹. Широкая диахроническая перспектива позволила автору разработать три темы: 1) на примере одного поселка осветить важные социальные явления, характерные для сельской местности XIX—XX вв.; 2) вскрыть на сравнительном фоне особенности культурной адаптации рыболовства и рыбацких общин всей Северной Атлантики; 3) проследить, как специфические новые процессы не только разрушают традиционный уклад, но и сами создают новые формы. Работу Лёфгрена отличает исчерпывающий экологический анализ и целостный («холистский») подход к изучаемой общности. В отличие от многих подобных исследований, отмечает рецензент, Лёфгрен пытался выделить черты культуры, составляющие ее сердцевину («фокус») именно в силу этого особенно важные для культурной адаптации в меняющихся условиях. Полный систематический анализ позволил исследователю соотнести между собой производительные силы («технологию»), социальные формы и экологическую обстановку.

Выявлению «крестьянских экотипов», т. е. приспособлению шведских крестьян к экологической среде, посвящена одна из статей того же Лёфгрена в «*Ethnologia Scandinavica*»²². Он предостерегает против механического выведения культуры из экологической среды. Чтобы предотвратить эту опасность, этнографы должны сосредоточиться на изучении процессов, а не структур, сочетать диахроническое исследование долговременных процессов со сравнительным изучением культур, в частности субъективных представлений людей об их природных ресурсах. Обобщая достижения скандинавской этнографии, Лёфгрен выделяет несколько экотипов (экотип есть «модель эксплуатации ресурсов в рамках данной макроэкономической системы»). Так, различаются крестьяне равнинные, лесные, крестьяне-рыбаки, крестьяне — отгонные скотоводы, крестьяне-рудокопы, горные крестьяне (охота плюс скотоводство). Разные схемы адаптации выделяются для крестьян зажиточных и для безземельных сельских жителей в одном и том же экотипе. Привлечен и материал исследования А. Буквист о судьбах в 1850—1950 гг. западно-шведского поселения, состоящего из кустарей, ремесленников, промысловиков-отходников²³, а также ранее упомянутой собственной работы Лёфгрена: рыбаки — зажиточные крестьяне и рыбаки — мелкие арендаторы (торпари) перестраивали свой образ жизни и труда по-разному.

Долговременное исследование судеб одного приморского селения юго-восточной Швеции было проведено в 70-х годах и с отчетливо марксистских позиций²⁴. Его автор К.-Г. Торнстрём сумел таким образом проследить на местном материале четырехвековой переход от феодализма к капитализму²⁵. Не будучи формально этнографической, работа историка-марксиста, несомненно, положительно воздействует и на эту дисциплину, тем более что Торнстрём не упускает случая вступить в спор с теорией самодовлеющей, зависящей прежде всего от демографических изменений крестьянской экономики А. В. Чаянова, ныне популярного на Западе²⁶.

Наряду с исследованием социально-экономических и культурно-экологических процессов шведские этнологи 70-х годов значительно больше прежнего занимались проблемами перестройки семейно-родственных и половых отношений в ходе разложения традиционного уклада, изменением соотношения между семьей и хозяйством и вообще экономического значения семьи. Пионером тематики этого направления выступил еще в 50-е годы социолог и этнограф Бёрье Ханссен (1917—1979 гг.), не раз посещавший впоследствии СССР и даже проводивший здесь полевые исследования. Ханссен, пожалуй, первым среди шведских этнографов испытал сильное влияние англо-американской социальной антропологии, немецкой эмпирической социологии и гештальтпсихологии. Его диссертация 1952 г. — исследование социально-антропологических взаимо-

²⁰ См., например: *Svensson S. Från gammalt till nytt. På 1800-talets svenska landsbygd*. Stockholm, 1977.

²¹ *Löfgren O. Fångstman i industrisamhället. En halländsk kustbygds omvandling 1800—1970*. Lund, 1977. Рец. — *Ethnologia Scandinavica*, 1978, p. 174—176.

²² *Löfgren O. Peasant Ecotypes. Problems in the Comparative Study of Ecological Adaptation*. — *Ethnologia Scandinavica*, 1976, p. 100—115.

²³ *Boqvist A. Den dolda ekonomin. En etnologisk studie av näringsstrukturen i Bollebygd 1850—1950*. Lund, 1978.

²⁴ О марксистском направлении среди молодых шведских историков-аграрников см. наши рецензии: «Вопросы истории», 1975, № 7, с. 176—179; «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1981, № 5, с. 23—26.

²⁵ *Thornström C.-G. Bakom stagnationen. Lokalsamhället och omvärlden i en svensk skärgårdsby 1500—1975*. Uppsala, 1978. Рец. — In: *Historisk tidskrift* (Stockholm), 1980, № 3, s. 377—384.

²⁶ См., например: *The Theory of Peasant Economy*/Eds. Kekblay B. etc. Homewood (Illinois), 1966.

связей на материале юго-восточной Сконе XVII—XVIII вв.—впоследствии, в 1977 г., была (редчайший случай!) переиздана²⁷. Теоретические и историко-социологические труды Ханссена публиковались за пределами Швеции, в том числе и в СССР²⁸. Он ратовал за историческую социологию, которую впоследствии переименовал в исторический структурализм. Вернувшись в 70-х годах после долголетнего перерыва к постоянной научной работе, Хансен продолжал использовать собранный им ранее материал, преимущественно из церковных метрических книг юго-восточной Сконе, для диахронических процессуально-структурных исследований взаимосвязи семьи, домашнего хозяйства и общественных классов на протяжении трехсот лет, доводя исследование уже до XX в. В своей посмертно изданной статье 1980 г. Хансен проследил изменения в составе южно-шведской крестьянской семьи при перестройке крестьянского хозяйства и его связей с окружающим миром, показал хозяйственную, трудовую, а не кровно-родственную обусловленность существования расширенной крестьянской семьи позднефеодалных времен и ее сравнительно недавней смены малой семьей «нуклеарного» типа²⁹. Хансен решительно возражал против утверждений, в частности кембриджских демографов, о постоянстве численного состава крестьянского хозяйства на протяжении веков и об исконности малой семьи³⁰. Бесспорным и положительным было влияние Ханссена на более молодое поколение шведских этнографов, например на Лёфгрена, тем более что благодаря своему частому общению с экономистами и этнографами СССР Хансен постепенно проникся и некоторыми марксистскими идеями³¹.

Большой интерес вызвала диссертация молодой исследовательницы Г. Челльман об обычаях свадебных подарков в крестьянской Швеции XIX в.³² Исследование обычая для нее — не самоцель, а средство глубже познать повседневную социально-экономическую действительность, будни крестьянской жизни в разных провинциях. Вслед за другими этнографами она выделяет в Швеции две зоны старокрестьянской культуры — северную и южную. В каждой из них свадебные подарки выполняли различную социальную и экономическую функции в зависимости от степени проникновения в сельскую жизнь новых, капиталистических отношений. Челльман, таким образом, охватила в своей диссертации и процесс разложения старокрестьянского уклада. Как отмечал авторитетный рецензент О. Лёфгрен, работе присущ сравнительно высокий теоретический уровень, отличающий шведскую этнографию 70-х годов, что, однако, не исключает изрядной доли эклектики. Наряду с иными теоретическими моделями Челльман применяет историко-материалистическую. Большое место в ее труде занимает полемика, в частности, с тем же Б. Хансеном о роли малой семьи в традиционном крестьянском обществе³³.

На более коротком отрезке лишь срединных десятилетий XIX в. лундский этнограф Е. Фрюкман исследовал внебрачную рождаемость, практику и нормы взаимоотношения полов, положение незамужней матери в южно-шведской сельской среде после межевых реформ³⁴. При этом обнаружилась глубокая классовая дифференциация сельских жителей, жесткая социальная структура крестьянства. В другом диахроническом исследовании высокой внебрачной рождаемости в Швеции за 1831—1933 гг. тот же Фрюкман показал зависимость внебрачной рождаемости от времени, провинции и социальной принадлежности. Вместе с тем при одинаковых социально-демографических и экономических условиях вступали в действие нравственные нормы и ценности, а также знания о половой жизни³⁵.

Таким образом, шведские этнографы 70-х годов от исследований старого традиционного уклада перешли к изучению его распада и обновления. Третьей группой этнографических исследований 70-х годов стали работы по чисто современной тематике, отличающиеся от стандартных социологических трудов более ограниченным объектом исследования и предпочтением «мягких» данных, т. е. источников скорее качественного, чем количественного характера, в первую очередь опросов и бесед. Работы о земледельцах и рыбаках, составляющих ныне лишь 3% самостоятельного населения страны, уже не занимают в этой группе исследований сколько-нибудь заметного места. Уйдя из прошлого в настоящее, этнограф переменил хутор на городской квартал, архив и музей — на полевое исследование, отличающееся, однако, по задачам и методам

²⁷ Hanssen B. Österlen. En studie över social-antropologiska sammanhang under 1600 — och 1700-talen i sydöstra Skåne. Stockholm, 1952.

²⁸ См. Хансен Б. Понятие поля, как синтез естественно-научных и гуманитарных традиций в социологии. — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 40—48; *его же*. Семейные, хозяйственные и трудовые крестьянские объединения в юго-восточной Сконе в 1699—1950 гг. — В кн.: Скандинавский сборник, 1958, III, с. 53—85.

²⁹ Hanssen B. Household, Classes and Integration Processes in a Scandinavian Village over 300 Years. A Study in Historical Structuralism. — In: *Ethnologia Europea*, 1979/1980, v. XI, I, p. 76—118.

³⁰ Hanssen B. Notes on the Household Composition and Socio-Cultural Heritage. — In: *Ethnologia Europea*, 1977/1978, v. X, I, p. 33—38. Ср. также Löffgren O. Family and Household among Scandinavian Peasants. — In: *Ethnologia Scandinavica*, 1974, p. 17—52.

³¹ Hanssen B. Integration Processes in Complex Societies. — In: *The Concept and Dynamics of Culture*. The Hague, 1977, p. 345—417.

³² Kiellman G. Bröllopsgåvan. En etnologisk studie av gåveekonomi. Lund., 1979.

³³ Löffgren O. Sed som samhällspegel. — Rtg, 1980, № 3, s. 84—90.

³⁴ Frykman J. Horan i bondesamhället. Lund, 1977.

³⁵ Frykman J. Sexual Intercourse and Social Norms. A Study of Illegitimate Births in Sweden 1831—1933. — *Ethnologia Scandinavica*, 1976, p. 110—150.

от былых экспедиций в сельскую глушь. И тут Б. Ханссен опять оказался в числе новаторов, когда, опираясь на свои городские социологические исследования 50-х годов, сопоставил материалы опроса одних и тех же 10 семей из стокгольмского микрорайона Веллингбю с промежутком в 15 лет — в 1957 и 1972 гг. Так появилась его методически важная монография «Семья, хозяйство, родня»³⁶, где автор сопоставил микросреду индустриального городского «общества благополучия» с ранее изученной им семейно-трудовой структурой сельской Швеции — позднефеодальной и раннекапиталистической. Ханссен провел, по его словам, интенсивный структурный анализ целой сети социальных отношений и ситуаций — семейно-родственных и соседских, интересуясь не столько количественными, сколько качественными показателями — идеалами, самооценками опрошенных. Для актуализации этнографических работ в современной Швеции показательно сознательное стремление Ханссена содействовать своей книгой более удачному социальному планированию городских жилых районов.

«Растеряв» громадное большинство своих крестьян, лесорубов и рыбаков, послевоенная государственно-монополистическая Швеция, как известно, из почти мононациональной превратилась в многонациональную страну. Перед этнографами встали практически важные задачи по изучению положения, трудностей ассимиляции и адаптации новых нацменьшинств в условиях капиталистической эксплуатации и широкого распространения классовых и расовых предрассудков. Так появились учебное пособие о шведских меньшинствах и специальное исследование положения югославов в западношведском рабочем поселке при целлюлозно-бумажном комбинате³⁷.

Падение рождаемости, рост продолжительности жизни ведут, как известно, к сильноному постарению демографического состава современного общества. Шведская официальная пропаганда расхваливает благотворительность реформ, проведенных в интересах престарелой части населения. Сделано действительно много, но больше в чисто материальном плане. Проблемы одиночества, заброшенности, притеснения немощных и дряхлых сохранились. Для социальной ангажированности, критического пафоса современных молодых этнографов — в противовес умирительно-охранительному, националистически-консервативному умунастроению основателей их науки — показательно открыто вызывающая, «провоцирующая» диссертация Х. Феррер-Маринэ 1981 г. с таким названием: «В ожидании смерти. Этнологическое исследование положения престарелых в стационарном лечебном заведении»³⁸. Опираясь на свой опыт санитаря, автор описывает страдания своих пациентов, вызванные отнюдь не только их заболеванием. Качество ухода зависит в первую очередь от общественного положения пациента. Как правило, уход не годится!

Сокращение рабочей недели, рост материального и образовательного уровня сделали повседневным изучение досуга шведов и соответствующих организаций, клубов и неформальных объединений³⁹. Этнографы с интересом отнеслись к коллективному проекту упальских историков по изучению общественных движений («трезвенников», «свободной церкви», профсоюзного) в шведском обществе XIX—XX вв. Появились и собственно этнографические исследования, например быта и досуга в предместье современного Стокгольма⁴⁰ или об участниках популярной настольной игры в «бинго»⁴¹. Два ведущих молодых этнографа — Фрюкман и Лёфгрен — уже отважились обобщить социально-психологические и культурно-бытовые последствия утверждения промышленного капитализма в Швеции на рубеже XIX—XX вв. и попытались выявить главные черты людей новой, преимущественно буржуазно-городской культуры. Их книгу «Культурный человек» критика встретила по-разному⁴².

Политическая радикализация шведских университетов с половины 60-х годов положительно сказалась и на трудах этнографов. Многие авторы стараются своими исследованиями помочь проведению назревших реформ, смягчить обостряющиеся социальные противоречия, облегчить интеграцию новых социальных и этнических групп. Примечательно издание ряда этнографических работ социал-демократическим издательством «Тиден». Это, например, «Стратегия во имя общности» О. Дауна (1932 г. рожд.)⁴³. Автор привлекает внимание к множественности существующих в шведском обществе субкультур, требует учета их интересов и особенностей, дает свои рекомен-

³⁶ *Hanssen B. Familj, hushåll släkt. En punktundersökning av miljö och gruppkativitet i en stockholmsk fört 1957 och 1972 enligt hypoteser, som utformats efter kulturhistoriskaa studier.* Stockholm, 1978.

³⁷ *Arnstberg K.-O. och Ehn B. Etniska minoriteter i Sverige förr och nu.* Lund, 1975; *Ehn B. Sötebrödet. En etnologisk skildring av jugoslaver i ett dalsländskt papperbruks-samhälle.* Stockholm, 1974.

³⁸ *Ferrer-Mariné J. I väntan på döden. En etnologisk undersökning av åldringarnas situation på en långvårdsavdelning.* Stockholm, 1981.

³⁹ *Cp. Hellspong M. Föreningsliv och fritidsliv i samhällsvetenskaplig belysning.*— Nord-Nytt, 1973, № 3—4, s. 1—8.

⁴⁰ *Daun A. Förtrosliv. En etnologisk studie av kulturell förändring.* Stockholm, 1974.

⁴¹ *Bingospelare. En samhälls- och kulturundersökning.* Stockholm, 1977.

⁴² *Löfgren O. och Frykman J. Den kultiverade människan.* Stockholm, 1979. Cp. рец.— *Historisk tidskrift*, 1980, № 4, s. 492—493; *Rig.*, 1981, № 1, s. 17—23, а также дискуссию — *Rig*, 1981, № 2, s. 62—69.

⁴³ *Daun A. Strategy for gemenskap. Essäer om boendits och samvarons Villkor.* Stockholm, 1976.

дации. Ему же принадлежит статья по острому вопросу о социальной и культурной интеграции в жилом районе⁴⁴.

Смена тематики (от истории к современности, от отжившего уклада к путям и последствиям его обновления), смена умонастроения (от консервативно-охранительного к радикально-критическому) были в 70-х годах облегчены и сменой поколений на ключевых постах этнографической науки. За последние 15 лет отошли от активной работы корифеи шведской этнографии межвоенного и ближайшего послевоенного времени — умерли «сельские этнографы» Сигурд Эрикссон, Оке Кемпбелл, безвременно — Бёрре Ханссен, фольклористы Даг Стрёмбек и Вальдемар Юнгман. Ушли на покой «ровесники века» Эста Берг, Сифрид Свенсон, Ён Гранлунд — опять-таки исследователи старокрестьянской культуры. Дух обновления обернулся возросшим интересом к методологии и методике, в частности полевого исследования. Показательна и отрадна в этом смысле статья финского исследователя Л. Хонко, вызвавшая отклики шведских этнографов⁴⁵. Хонко считает пору одностороннего влияния англо-американской социологии и культурной антропологии в Северной Европе законченной, а своих коллег — достаточно сильными, чтобы кое-чему научить и самих англосаксов. Он призывает к размежеванию исследователя со своим «истеблишментом», к солидарности («участливому наблюдению») с изучаемым объектом, к новой социальной ответственности этнографа. Финскому автору вторит шведский — ранее названный Фрюкман⁴⁶. По его мнению, функционализм и ходим сравнительно мало затронули шведскую и скандинавскую этнографию. В 60-х годах все еще царил диффузионизм, который в глазах молодого поколения этнографов приобрел несколько одиозный оттенок («механический диффузионизм»), что в свою очередь вызывает ответную защитную реакцию у старшего поколения⁴⁷. Поворот к этнографическому изучению современности как отечественной, так и зарубежной (постколониальной) требует критического пересмотра методологии, зовет к интеграции, а не сегрегации этнографов разного профиля, к перенесению центра тяжести с изучения отдельных личностей и предметов на местные коллективы и части их, четко очерченные по трудовому и социально-культурному признаку. На рубеже 80-х годов шведский исследователь отдельных элементов культуры или отдельных местных общностей пытается сильнее, чем прежде, вводить изучаемый объект в рамки сложной и значительной проблематики. Изучать следует не только маргинальные низы, но и влиятельные слои общества, полагает Фрюкман, и цель этнографа — добиваться прогрессивных социальных изменений.

Несмотря на сочувственное внимание отдельных шведских ученых к советской национальной политике, к этнографии в СССР⁴⁸, и особенно фольклористов — к нашим филологам-структуралистам, все же преобладающие связи шведских этнографов по-прежнему ведут на Запад. Идеино-философские основы шведской этнографии уже далеки от устоев представителей этой науки в первые десятилетия века, с их национальным романтизмом и признаками влияния «философии жизни» (Бергсона и др.)⁴⁹. Вместе со всей послевоенной гуманитарной наукой Швеции этнографы, мы полагаем, разделяли еще и в 60-х годах, сознательно или бессознательно, установки «эмпирической» философии, или неопозитивизма англосаксонского толка.

В дальнейшем однако этнографы, особенно молодое поколение, заметно повели. Все чаще в их среде встречаются марксисты и левые радикалы разного толка, раздают требования выйти из академической «башни», не просто изучать, но и солидаризироваться с той или иной частью народных низов, добиваться в ходе своей полевой работы не только реформ сверху, но и революционного преобразования капиталистической действительности. У этнографов 70-х годов возникло понятие «действенного исследования» и вместе с тем «исследования действий», т. е. действий массовых, революционных (aktionsforskning). Примеры такой новой, условно говоря, «народнической» и леворадикальной этнографии чаще можно найти не в Швеции, а в других скандинавских странах⁵⁰.

Значительно обновилась в последние годы и методология шведских этнографов. Считаются пережившими себя, старомодными позитивизм, диффузионизм и функционализм (функциональный структурализм англосаксонского толка). Популярны три других «изма»: французский структурализм Леви-Стросса, исторический материализм, наконец, так называемый символический интеракционизм. Последний связан с социологической теорией коммуникации и «ролей», с семиотикой и обращает особое внимание на взаимодействие, «интеракцию» между людьми⁵¹.

Таким образом, область интересов и набор методов шведской этнографии изменились и сильно расширились. Сфера приложения и общественное значение дисциплины

⁴⁴ Daun A. Social and Cultural Integration in Residential Areas.— *Ethnologia Scandinavica*. 1979, p. 119—132.

⁴⁵ Honko L. The Role of Fieldwork in Tradition Research.— *Ethnologia Scandinavica*, 1977, p. 75—90.

⁴⁶ Ibidem, p. 93—96.

⁴⁷ Svensson S. Misupplättning av diffusionsforskning.— *Rig*. 1980, № 2, s. 33—36.

⁴⁸ См. Сов. этнография, 1981, № 3, с. 161—163.

⁴⁹ Erixoniana I (*Ethnologia europea*, 1968/69, v. II—III), Arnheim, 1970, p. 15.

⁵⁰ Grue-Sørensen B. etc. Aktionsforskning og etnologi — en orientering.— *Nord-Nytt*, 1973, № 3—4, s. 45—55.

⁵¹ Bringéus N.-A. The Communicative Aspect in Ethnology and Folklore.— *Ethnologia Scandinavica*, 1979, p. 5—17; Löfgren O. Historical Perspectives on Scandinavian Peasants.— *Annual Review of Anthropology*, 1980, v. 9, p. 187—215.

заметно выросли. Об этом свидетельствует обсуждаемое с 1976 г. предложение включить в программу шведских гимназий новый предмет — культоведение (kulturkunskap). «Гимназия нуждается в этнологии» — так озаглавлена одна из дискуссионных статей нынешнего года⁵².

При всех этих переменах интерес к традиционной крестьянской культуре сохранился, но испытал воздействие новых идей и подходов. Внимание этнографов теперь больше прежнего нацелено на увязывание культурных явлений, в частности, крестьянского мировоззрения, с социальными процессами — явный показатель влияния исторического материализма⁵³.

⁵² Cp. Rig, 1982, № 3, s. 70—73.

⁵³ Löfgren O. World-Views: A Research Perspective.— *Ethnologia scandinavica*, 1981, p. 21—35.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Г. Вишневский. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982, 287 с.

Демограф А. Г. Вишневский предпринял интересную попытку теоретически рассмотреть демографическую историю человечества — эволюцию рождаемости, смертности и воспроизводства населения в целом — с доисторических времен до сегодняшнего дня, объяснить некоторые современные демографические проблемы и заглянуть в будущее, исходя из опыта прошлого.

Советские ученые довольно часто обращаются к исследованию вопросов истории брака, семьи, семейных отношений, изучают динамику численности, национальный состав и социальную структуру населения, потери в войнах; история же специфических демографических процессов пока привлекает гораздо меньше внимания, а обобщающих работ по этим вопросам практически и вовсе нет. Вот почему в книге А. Г. Вишневского, написанной прежде всего с позиций демографа, историки найдут много нового для них материала — и не только отдельных, неизвестных ранее фактов, а, возможно, даже целую неизвестную им область. И нет сомнения, что знакомство с этим материалом, вдумчиво отобранным и систематизированным, в хорошей манере поданным, будет способствовать изменению прежних представлений не только о демографических процессах в прошлом и настоящем, но и о значении демографических исследований для исторической науки.

На протяжении всей книги автор строго придерживается *системно-исторического* подхода к демографической реальности. В рамках этого подхода он формулирует основную идею своего исследования — концепцию исторических типов воспроизводства населения. В соответствии с ней все демографическое развитие человеческого общества представляется как история трех типов воспроизводства населения — архетипа, традиционного и современного (рационального) типов — и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому (с. 49). Каждый из трех типов воспроизводства населения соответствует определенной ступени развития общества: архетип господствует в доклассовом обществе с присваивающей экономикой; традиционный тип преобладает в аграрных докапиталистических классовых обществах; переход к современному типу в мировом масштабе начинается при капитализме с превращением аграрной экономики в индустриальную, но в целом — это тип воспроизводства населения будущего бесклассового общества.

Видное место в предлагаемой концепции занимают понятия «демографический гомеостаз» и «демографические отношения». *Демографический гомеостаз* — это устойчивое равновесное состояние «демографической системы» (т. е. населения, рассматриваемого с точки зрения его непрерывного возобновления) в ее взаимодействии со средой. По мысли автора, гомеостаз проявляется в том, что «устойчивость демографических процессов оказывается гораздо большей, чем устойчивость внешних по отношению к демографической системе условий, а в функционировании этой системы имеются существенные элементы упреждения, не допускающие назревания конфликта между демографической и другими подсистемами социального целого, чреватого необратимым нарушением демографического равновесия» (с. 19). Заметим, что представления о демографическом гомеостазе высказывались А. Г. Вишневским и прежде и вызвали возражения со стороны ряда исследователей. Так, В. И. Козлов писал, что состояние „демографического гомеостаза“, если оно и появлялось, то было не правилом, а исключением¹. Однако аргументация А. Г. Вишневского в пользу демографического гомеостаза, существенно усиленная в рецензируемой работе, представляется нам убедительной. В самом деле, трудно понять, почему такая сложная социальная система, как население, может быть лишена столь важного системного свойства, как гомеостаз; как показано, в книге им обладали даже популяции животных.

Демографический гомеостаз поддерживается благодаря существованию в каждом обществе устойчивых *демографических отношений*, т. е. специфических социальных «от-

¹ Козлов В. И. К вопросу о роли демографических факторов в истории.— В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 11.